

ПРОТЕСТ ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА.

Приводим полностью новый массовый адрес, посредством которого финляндский народ выражает свой решительный протест против политики правительства, посягнувшего и продолжающего посягать на конституцию Финляндии, в нарушение клятвы, торжественно данной всеми царями, начиная с Александра I и кончая Николаем II.

Адрес этот подан 17 (30) сентября 1901 г. в финляндский сенат для доставления царю¹. Подписан он 473.363 финляндцами обоего пола и всех слоев общества, т. е. почти полумиллионом граждан. Все население Финляндии равняется 2¹/₂ миллионам, так что новый адрес является поистине голосом всего народа.

Вот полный текст этого адреса:

«Державнейший. Всемилостивейший Государь Император и Великий Князь! Изменение Вашим Императорским Величеством закона о воинской повинности Финляндии вызвало повсеместно в крае всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

Утвержденные Вашим Императорским Величеством 12 июля (29 июня) сего года повеления, манифест и закон о воинской повинности составляют коренное нарушение основных законов Великого Княжества и драгоценнейших прав, принадлежащих финскому народу и всем гражданам края в силу его законов.

Правила об обязанностях граждан по защите края не могут, на основании основных законов, издаваться в ином порядке, как с согласия Земских Чинов. В этом порядке и был издан закон о воинской повинности 1878 года согласным решением Императора Александра II и Земских Чинов. В царствование Императора Александра III последовали многие частные изменения этого закона, но каждый раз не иначе, как с согласия Земских Чинов. Вопреки сему ныне без согласия Земских Чинов объявлено, что закон 1878 года отменяется, между тем как изданные взамен его новые постановления всецело расходятся с решением Земских Чинов Чрезвычайного Сейма 1899 года.

Одно из важнейших прав, принадлежащих каждому финляндскому гражданину,— жить и действовать под защитой финляндских законов. Ныне этого права лишены тысячи и тысячи финляндских граждан, так как новый закон о воинской повинности обязует их служить в русских войсках, превращая выполнение воинской повинности в страдание для тех сынов края, которые насильственно будут зачисляемы в войска, чуждые им по языку, религии, нравам и обычаям.

Новые постановления отменяют всякое законом определенное ограничение ежегодного контингента. Сверх того, в них нет какого-либо признания указанного в основных законах права Земских Чинов участвовать в определении военного бюджета.

Даже ополчение, вопреки основного положения закона 1878 года, поставлено в совершенную зависимость от усмотрения военного министерства.

Впечатление от подобных установлений не смягчается объявленными в манифесте облегчениями в продолжение неопределенного пока еще переходного времени, так как вслед за временным уменьшением числа призываемых последуют неограниченные призывы на службу в русских войсках.

Финляндский народ не просил какого-либо облегчения в несомой им ныне военной тяготе. Земские Чины, высказавшие мнение народа, доказали готовность со стороны Финляндии по мере сил увеличить долю участия по защите Государства, при условиях сохранения правового положения финских войск в качестве финляндских учреждений.

В противоположность сему устанавливается в новых постановлениях, что финские войска по большей части будут упразднены, что русские офицеры могут поступать на службу в немногие остающиеся части; что даже унтер-офицеры в этих частях должны владеть русским языком, чем финляндские уроженцы по преимуществу из крестьянского сословия совершенно устраняются от занятия названных должностей; что эти войска поступают под ведомство русских управлений и что они также и в мирное время могут размещаться вне пределов Финляндии.

Эти повеления, не составляющие какой-либо реформы, а преследующие лишь уничтожение национальных войск Финляндии, указывают на недоверие, к которому финляндский народ ничем не дал повода за все время почти столетнего его соединения с Россией.

В новых постановлениях о воинской повинности встречаются также выражения, заключающие в себе отрицание существования у финляндского народа особого отечества, а у уроженцев края — прав финляндского гражданства. В этих выражениях просвечивают цели, несовместимые с незыблемым правом финляндского народа сохранить в соединении своем с Россией то политическое положение, которое непоколебимо было удостоверено за Финляндию в 1809 году.

За последние годы накопилось над нашим краем тяжелое горе. Раз за разом убеждались, что установления основных законов края игнорировались, отчасти в законодательных мероприятиях, отчасти замещением важных должностей русскими уроженцами. Администрация края направлялась таким образом, как будто задача ее поколебать спокойствие и порядок, препятствовать

общепольным стремлениям и вызывать неприязнь между русскими и финляндцами.

Самым тяжелым несчастием для края является однакож введение новых постановлений о воинской повинности.

В всеподданнейшем ответном представлении от 27 мая 1899 года Земские Чины подробно доложили о том порядке, который по основным законам Финляндии должен быть соблюден при издании закона о воинской повинности. При этом они указали, что, если новый закон о воинской повинности будет издан в ином порядке, то подобный закон, даже если он будет действовать под давлением насилия, не может быть признан правовым законом, а в глазах финляндского народа покажется лишь повелением силы.

Все, что Земскими Чинами было указано, продолжает неизменно составлять правосознание финляндского народа, которое насильственно не может быть изменено. Надо опасаться весьма тяжелых последствий от повелений, несогласованных с законами края. Для чиновников и правительственных учреждений возникает мучительный разлад с чувством долга, так как совесть побуждает их не руководствоваться подобными повелениями. Число трудоспособных переселенцев, уже ранее вынужденных выселиться из опасения грозящих перемен, еще более увеличится, если объявленные постановления приведены будут в действие.

Новые постановления о воинской повинности, как и другие мероприятия, направленные против прав финляндского народа на особое политическое и национальное существование, неминуемо должны подрывать доверие между монархом и народом, а равно вызывать все усиливающееся неудовольствие, чувство всеобщего гнета, неуверенность и величайшие затруднения для общества и для его членов в работе на благо края. Для предотвращения сего не имеется иных средств, как заменить вышеприведенные повеления законом о воинской повинности, изданным при участии Земских Чин, а правительственным властям края вообще руководствоваться точно указаниями основных законов.

Финляндский народ не может перестать быть особым народом. Сплотившийся благодаря общей исторической судьбе, правовым понятиям и культурной работе, наш народ останется верным своей любви к финляндскому отечеству и к своей закономерной свободе. Народ не уклонится в своем стремлении с достоинством занимать в среде народов свое скромное, судьбою ему указанное место.

Так же твердо, как мы верим в наше право и уважаем наши законы, служащие нам опорой в общественной нашей жизни, так же твердо мы убеждены в том, что единству могущественной России не может быть причиняем вред, если Финляндия и впредь будет управляема в согласии с основными началами, определенными в 1809 году, дабы чувствовать себя счастливою и спокойною в соединении своем с Россиею.

Чувства долга перед родиною заставляют жителей всех общин и слоев общества обратиться к Вашему Императорскому Величеству с правдивым и неприкрашенным изложением положения дела. Выше мы указали, что недавно обнародованные постановления о воинской повинности, противоречащие торжественно удостоверен-

ным основным законам Великого Княжества, не могут быть признаны правовым законом. Считаю долгом добавить к сему, что военная тягота сама по себе не такое значение имеет для финляндского народа, как потеря твердых правовых установлений и законом обеспеченное спокойствие по отношению к этому столь важному вопросу. Всеподданнейше просим посему, да соизволите Ваше Императорское Величество подвергнуть вопросы, затронутые в этом представлении, такому Всемилощивейшему рассмотрению, которое вызывается серьезностью их свойства. Пребываем и проч.»

Нам остается немного добавить к этому адресу, который выражает собою настоящий народный суд над шайкой нарушающих основные законы русских чиновников.

Напомним главные данные по «финляндскому вопросу».

Финляндия присоединена к России в 1809 г. во время войны с Швецией. Желая привлечь на свою сторону финляндцев, бывших подданных шведского короля, Александр I решил признать и утвердить старую финляндскую конституцию. По этой конституции, иначе, как с согласия сейма, т. е. собрания представителей всех сословий, не может быть издан, изменен, пояснен или отменен никакой основной закон. И Александр I в нескольких манифестах «торжественно» подтвердил «обещание о святом хранении особенной конституции края».

Это клятвенное обещание подтверждали затем все русские государи, в том числе и Николай II в манифесте 25 октября (6 ноября) 1894 г.: «...обещая хранить оные (основные законы) в ненарушимой и непреложной их силе и действии».

И вот не прошло и пяти лет, как русский царь оказался клятвopеступником. После того, как продажная и пресмыкающаяся печать долго травила Финляндию, был издан «манифест» 3 (15) февраля 1899 г., установивший новый порядок: без согласия сейма могут быть изданы законы, «если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством Империи».

Это было вопиющее нарушение конституции, настоящий государственный переворот, потому что ведь про всякий закон можно сказать, что он касается общегосударственных потребностей!

И этот государственный переворот был совершен насильственно: генерал-губернатор Бобриков грозил ввести войска в Финляндию, если сенат откажется опубликовать манифест. Русским войскам, расположенным в Финляндии, были уже розданы (по словам русских же офицеров) боевые патроны, лошади стояли под седлом и т. д.

За первым насилием последовал бесчисленный ряд других: запрещали одну за другой финляндские газеты, отменили свободу собраний, наводнили Финляндию шпонами русских шпионов и гнуснейших провокаторов, которые возбуждали к восстанию, и т. д. и т. д. Наконец, без согласия сейма, издан был закон 29 июня (12 июля) о воинской повинности, — закон, достаточно избранный в адресе.

И манифест 3 февраля 1899 г., и закон 29 июня 1901 г. незаконны — это насилие клятвopеступника

с шайкой башибузуков, которая называется царским правительством. Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании, но нам всем, русским гражданам, надо думать о том позоре, какой на нас падает. Мы все еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращения в рабство других племен. Мы все еще терпим у себя правительство, не только подавляющее со свирепостью палача всякое стремление к свободе в России, но и пользующееся, кроме того, русскими войсками для насильственного посягательства на чужую свободу!

[Н. Ленин]

из

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Из-за решетки. В листке Спб «Красного Креста» приведено письмо одного из осужденных за Обуховские беспорядки товарищей. Перепечатаем здесь это письмо, которое достаточно красноречиво говорит о том, каких людей царское правосудие клеймит званием уголовного преступника.

...«Так два Анатолия, один Гаврилов, другой Ермаков, оба идут в мир отверженных (сосланы на 6 и 5 лет каторги. Редакция). Не по заслугам кару понесли. Все мы сильно пострадали, остальные осуждены в арестантские роты и тюрьмы, и все на очень большие сроки, даже наши победоносные девицы, и тех не миновала горькая участь — одну на три года, другую на полтора в тюрьму; да не хуже нас пострадали и будут страдать ни в чем неповинные наши семьи. Да, трагическая была ночь, положим, это было уже пять часов утра, когда читали приговор, от которого поднялся плач, и надолго, может быть, на веки не изгладится печаль; одна чья-то жена или мать, бедняжка, так и грохнулась на пол, и ее плач сменился каким-то удавленным скрипучим стоном; моя жена, бедняжка, тоже горько плакала, жаль бедняжку, да вдобавок она еще в таком положении, что должна на-днях родить, а тут такое горе случилось, что отразится даже на том, кто совершенно невинен и не успел даже появиться на свет, а уже лишается отца навсегда. И видевши все это, и подойти и утешить, и то нельзя, жандармы несчастные, как столбы, стоят вокруг. Я уже просил своего защитника, чтобы он хоть слова два сказал в утешение, и он все с ней стоял и утешал, да, видно, измучившись была, бедная, — все, все четыре дня сидела, а последний день и ночь пришлось сидеть и, наверно, бедняжка, голодая, ожидала; вот оправдают, а тут еще хуже.

Все защитники резали хорошо, а ничего не вышло. Свидетели против нас ввали, путали, и на все прокурор нуль внимания, говорит: я буду верить первым показаниям, потому что они позабыли. Много, много тут было несправедливости, и ни на что не обратили внимания... оправдали, кажется, 4 или 5 человек, наверно не знаю...

Следующее письмо из тюрьмы характеризует настроение, вызванное этим приговором среди заключенных вообще: «Как раз в это время у меня было начато письмо к тебе. Понятно, я его разорвал. Что бы я мог написать? Дескать, вообрази, милый друг, на месте этих „каторжан“ своего отца, брата, сестру, вообрази меня, если хочешь, и тогда мне скажи, что ты почувствуешь... Не разучилась ли бы ты смеяться, если бы увидела, как эти „каторжане“ прощались со своими матерями, женами?.. На каторгу за то, что подставляли себя под пули солдат, не тех на каторгу, что убивали, а тех, кто сами рисковали быть убитыми. А разве это единственный случай или что-нибудь новое, неслыханная жестокость? Каждый день и по всем закоулкам России творятся еще более худшие жестокости. Только это происходит там, где-то за кулисами, не режет нам глаз... нет, ты, похоже, не чувствовала своего бессилия, не задыхалась от злобы при подобных фактах; конечно, я

должен сильнее чувствовать, сильнее, чем ты, сильнее, чем я сам, если бы был на свободе. Но ведь это понятно, почему. Ведь у меня на глазах все эти „преступники“, „бунтовщики“. Ведь я день и ночь слышу под собой кашель и бесконечные шаги, и над собой, сверху и внизу — всюду слышится это воплощение тюрьмы. Ведь ты только слышишь о насилии, а я стою лицом к лицу с ним, оно ежеминутно перед глазами, если бы хотел, то нет сил отвернуться. Мы здесь разговариваем, шутим, смеемся, а стоит только коснуться до больного места — хотя бы такого факта, как этот суд, мы ненормальные люди, мы бешеные...».

«Искра» предлагает свои услуги для направления (непосредственно или через «Красный Крест») пожертвований в пользу осужденных героев-обуховцев и их семейств. Поддержать их — нравственная обязанность всех, кто готов подхватить их боевой клич: «Нам нужна свобода!».

О московском «Зубатовском» обществе нам сообщают следующие новые сведения:

«Теперь дело обстоит так: выбран совет из 15 рабочих. Кроме общих собраний происходят районные (восемь районов). Рабочие в районах собираются по пивным, чайным, без полиции, за ответственностью члена совета (со знаками они). Было с неосведомленной еще полицией вначале два инцидента. Раз пристав разогнал такое собрание. Члены совета пошли в охрану жаловаться, там им сказали, что пристав, должно быть, подкуплен капиталистами, они-де его вызовут и узнают, какую взятку он взял. Другой раз, дворник увидел собрание в пивной, увидел стоящего на столе оратора и доложил помощнику пристава. Последний явился, собрание разогнал, а оратора арестовал. Получил от Трепова строгий выговор и приказ не вмешиваться там, где ничего не понимает. Деятельное участие в обществе принимает Леденцов, прежде занимался отдачей в рост денег. Он состоит председателем „Музея Труда“. Так вот при этом „Музей Труда“ образована для рабочих юридическая консультация, при чем Афанасьевым (председатель-рабочий, см. № 10) и К^о ведется усиленная агитация, чтобы рабочие обращались за советами именно сюда, а отнюдь не к „либеральным“ адвокатам Муравьеву и К^о. Точно так же из Зубатовско-Озеровского общества ведется поход и против местного „Общества народных развлечений“, которое, по видимому, на худом счету у начальства. Против этого общества намерены, по слухам, организовать народные спектакли в императорских театрах. В совещаниях по этой интриге участвуют, вместе с Афанасьевым, с одной стороны, помощник Зубатова — Сазонов, с другой — гг. профессора Озеров и К^о. Проф. Ден уже устранился от общества».

По поводу Зубатовской политики изданный харьковскими социалистами-революционерами листок говорит:

«В Москве Зубатов (начальник Охранного Отделения) расставил свои тенета в рабочей среде. В качестве загонщиков изъясил свои услуги гг. московские профессора. Мануилов студентам на лекции объявил громогласно: „Нет более у нас ни народников, ни марксистов, а есть социально-политическое направление, которое стремится улучшить быт рабочих и народа на почве существующего строя“. И вот стала применяться на русской почве система бернштейнианства под непосредственным наблюдением Зубатова. Действительно творится в России что-то небывалое. Открывается настоящий рабочий парламент. Мануилов, Ден и К^о дебатировать о насущных нуждах трудящегося народа, забывая поднимать лишь один самый насущный вопрос русского рабочего люда: значение самодержавного деспотического правительства для русского рабочего. Мудрые лекторы сразу превратились в неучей: они моментально забывают основные вопросы всякой живой общественной жизни; они, конечно, не внушают рабочим, что без свободы совести, свободы слова и печати немыслим прогресс общественный. Такие же сети расставляются и в непокорной студенческой среде. В газетах и в университетских советах все лето трудились над новым университетским уставом. Открывается действительно заманчивая перспектива: в самодержавной, раблепной, угнетенной России рабочим пре-

доставлено будет открыто, свободно дебатировать о своих нуждах, что, скажем кстати, упростит труд агентов Зубатова. Рядом с рабочим парламентом откроется и студенческий парламент, в котором тоже агенты Зубатова будут почерпнуть некоторые сведения».

Иркутск. В конце прошлого года иркутским ген.-губернатором назначен бывший помощник шефа жандармов — Пантелеев. Первый дебют его по управлению краем состоял в том, что он призвал иркутского городского голову Жарникова и потребовал, чтобы дума постановила ассигновать известную сумму на постройку памятника Александру III. В заседании думы по этому поводу никто из гласных, конечно, не дерзнул ничего возразить против этого предложения. Вся оппозиция выразилась лишь в том, что 3—4 гласных предложили почтить Сибирь памятником царя-мироворца не в виде статуи, а учебного заведения или моста через реку Ангару, в чем город так нуждается. Но трусливое большинство всецело подчинилось требованию Пантелеева.

Затем ген.-губ. пригласил к себе всех именитых граждан и предложил им сделать пожертвование на памятник, а сам ушел в свои комнаты. Адъютант его подал подписной лист, и «граждане» подписали, — кто тысячные, кто сотенные суммы. Когда лист был подписан, ген.-губ. не удостоил выйти, чтобы поблагодарить и попрощаться с им же приглашенными лицами.

Таковы уж нравы наших помпадуров, не перестающих смотреть на наше «третье сословие», на наше купечество, как на дойных коров, у которых можно на что вздумается требовать деньги, третируя их при этом как лакеев. Хороша и наша буржуазия, безмолвно переносящая подобного рода обращение.

Далее пошла так называемая добровольная подписка, т. е. начальникам разных учреждений предложено произвести подписку на памятник среди подчиненных. Недовольство было всеобщее, и Александр III не раз переворачивался в своем гробу от сыпавшихся на его голову проклятий. Подписка дала уже 100 тысяч рублей. Из купцов нашелся один — Замятин, который отказался подписать. Всех удивил его героизм. Но и он сдался, после того как у него был произведен обыск и Пантелеев пригрозил выслать его в Колымск.

Замечательнее всего то, что крестьянским начальникам предписано было собирать на памятник среди крестьян, и предписание это несмеленно было исполнено. Не трудно представить себе, каким бременем лег этот новый налог на сибирских крестьян в голодный год и при разорении населения, вызванном прошлогодней мобилизацией. Ничто так не подорвало монархизма среди сибирского населения, как эта история с памятником. Нужно за это сказать большое спасибо ген. Пантелееву.

Дальнейшим его подвигом по части революционизирования сибиряков явилась его борьба с городским самоуправлением. Началось оно с того, что дума отказалась построить казарму для войск. По приказу Пантелеева, губернатор не утвердил постановления думы. Последняя обжаловала это постановление в сенат и выиграла дело. Тогда Пантелеев пришел в ярость и послал в Питер доклад об упразднении выборного начала в городском самоуправлении, ссылаясь на неурядицы и бездействие иркутской думы. Что выйдет из этого представления, пока еще неизвестно. Но очистка думы от неудобных для Пантелеева гласных уже началась. Считая почему-то главой оппозиции секретаря думы Кларка (вероятно, потому, что он был во времена Очакова и покорения Крыма политическим ссыльным), ген.-губ. потребовал от городского головы его увольнения. Жарников попросил изложить это требование на бумаге, просьба его была удовлетворена. И вот Кларк без малейшей вины уволен, на основании лишь упраздняющего все законы постановления об охране. Правда, дума решила выдать Кларку денежную субсидию, но нашелся такой лакей Пантелеева, как гласный Белоголовый, который на протоколе думского же постановления написал свой протест, мотивируя его тем, что пособие это определено под давлением некоторых неблагоустроенных гласных, радеющих «своему человечку» (кавычки Белоголового).

Мелочность Пантелеева не ограничилась вышеописанным. Он велел немедленно выслать Кларка из города, и только благодаря ходатайству губернатора Малеринуса, указавшего на многочисленность семьи Кларка и на нелегкость скоро ликвидировать хозяйство (Кларк — домовладелец), высылка его была отложена на месяц.

Инциденту с Кларком предшествовало нашествие жандармов на думский архив и квартиру секретаря. Ничего, конечно, не было найдено, тем не менее делопроизводителя и других служащих тягали на допрос в жандармское пра-

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ.

ФАБРИЧНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ*.

В ряду самых колоссальных промышленных предприятий в Зап. Европе одно из первых мест принадлежит фирме «пушечного короля» Круппа.

Круппу принадлежат: сталелитейный завод в г. Эссене, такой же завод в Аннене, завод панцирных броней в Букау возле Магдебурга, 4 доменные печи в Дюисбурге, Энгерсе, Нейвиде и Рейнгаузене (из них три производят ежедневно 28 тыс. пудов), далее чугуно-плавильный завод с машиностроительным отделением в Сайне, 5 угольных копей (кроме того, Крупп участвует, как акционер, во многих других угольных предприятиях), 500 железных рудников в Германии, несколько рудников в Испании, три морских парохода, плац для стрельбы в Меппене (15 верст слишком в длину), каменоломни и т. д. Наконец, фирма Круппа сняла по контракту корабельное и машиностроительное предприятие «Германия» в Берлине и Киле.

Главное предприятие Круппа — его фабрика в Эссене — состоит из различных мастерских для производства пушек и снарядов, приготовления рельсов и прочих железнодорожных материалов, далее, из газового завода с двумя газоемами, вместимостью в 60.700 куб. метр., фабрики для производства огнеупорного камня, брикетов и кокса, нескольких кирпичных заводов, литографских и фотографических заведений, переплетной, щетинной фабрики, фабрики для производства льда, собственного полицейского учреждения и пожарной команды (100 чел.), затем из портняжной и сапожной мастерских, мясной, множества портерных и харчевых лавок и т. д.

До 1 апреля 1901 г. эта фабрика изготовила 39.006 пушек. В 1900 г. во всех заведениях Круппа потреблено 95 милл. пудов угля, из них 56 милл. на одной его фабрике в Эссене. В день потребляется 320 тыс. пудов угля. Воды употреблено в 1900 г. 16 миллионов куб. метров, светильного газа 19 милл. метров, т. е. больше, чем потребил целый город Бреславль, один из крупнейших в Германии.

К фабрике в Эссене принадлежат еще рабочие «колони» (кварталы с домами для рабочих), в которых имеются 4.853 семейные квартиры, больница с бараками для заразных больных, рабочая казарма, ночлежные дома,

* «Neue Zeit», 1901 г. № 4, статья Дювелля.

вление, при чем никто из допрашиваемых не мог понять, за что и про что их тягают. На их вопросы о причине они получали один ответ: на основании закона об охране. Задаваемые им вопросы заключались исключительно в выяснении влияния на городские дела некоторых лиц: Кларка, Корнилова, Попова, Замятина. Все эти лица почитаются неудобными лишь потому, что они принадлежат к интеллигенции и в своей деятельности они руководятся законом, а не желаниями Пантелеева. В этом и только в этом вся их неблагонадежность.

Но далее. Вместо удаленного Кларка ген.-губернатор хотел навязать в секретари думы проворовавшегося жандарма Телешева. Господин этот пользуется такой нечистой репутацией, даже в синей среде, что думцы осмелились вежливо отклонить этого кандидата. Вообще, Пантелеев большой жандармофил. Так, в иркутские губернаторы он тоже прочит жандармского генерала Демидова и на парадах и смотрах является не иначе, как в жандармском мундире, что вызывает большое неудовольствие среди военных. Возмущает многих также его полное пренебрежение к публике. Просителей он принимает на задах своего дома, где их заставляет ждать себя в грязном, тесном и холодном помещении. Ждут его по многу часов, и в заключение является адъютант и заявляет, что «их высокопревосходительство не выйдут». В последнее время он вовсе не выходит, и просьбы принимаются полицейским чиновником. Пантелеев полагает, что после убийства Боголепова и покушения на Победоносцева иметь объяснения с просителями безрассудная смелость, и решил перед публикой не показываться. Но он совершенно напрасно трусит, так как смерть такого правителя края была бы чувствительной потерей для антиправительственных слоев: его система правления и отношение к управляемому самым добросовестным образом дискредитирует монархию Николая II, и за это ему нужно сказать большое спасибо, но никак не подвергать участи Боголепова.

Вопрос о розге в Государственном Совете. Нам сообщают, что в Государственном Совете обсуждался вопрос о введении в сибирских областях института земских начальников. В законоположении об этих начальниках есть статья о телесном наказании; в названных же местах проживают инородцы: якуты, бурята, тун-

гусы и др., которые такого наказания не ведают, — оно у них никогда не практиковалось. И вот в Государственном Совете возник вопрос, как в этом случае быть с инородцами: отменить для них телесное наказание — значит, поставить инородцев в более привилегированное положение, чем в каком находится господствующая народность; ввести же его — конфузно для культурной миссии россиян. Тогда стали раздаваться голоса о всеобщем уничтожении этого гнусного наказания, и в таком смысле высказалось большинство. Но Победоносцев заявил, что Государственный Совет не в праве обсуждать эту меру, так как ему не принадлежит право инициативы. Ему возразили, что дело идет пока только о ходатайстве перед царем об отмене телесных наказаний. В конце дебатов вопрос пошел на голоса, и большинство высказалось за полную отмену телесных наказаний. Только Победоносцев и два-три его прихвостня остались за продолжение господства розги над крестьянами. Теперь вопрос, с чьим мнением согласится Ник. II?

Нижний-Новгород. Читатели «Искры» еще не забыли корреспонденцию из Нижнего с описанием бывшего там весной набега жандармов на местную интеллигенцию. Выдающаяся роль в этом событии безусловно принадлежит г. прокурору местного суда. Подобно щедринскому прокурору, сей ретивый чиновник решил найти в Нижнем крамолу и этим сразу выдвинуться в глазах начальства. Как писали читатели, замыслы г. Утина оказались безнадежными. Как ни старался, как ретиво ни искал, собственными руками лая по всем щелям, действительной сколько-нибудь существенной крамолы ему не удалось найти. Несчастного, не по разуму усердного прокурора ожидала печальная участь, выговор со стороны начальства и насмешки со стороны сослуживцев и жандармов, его конкурентов в разыскивании крамолы. Обманутый в лучших своих надеждах, г. Утин решил начать гонение против юнцов, гимназистов и гимназисток. Дело в том, что последние образовали общество для совместного чтения и завели свою библиотеку из легальных книг. Часть этого кружка, наиболее горячая, вздумала заняться пропагандой. Поймали какого-то отставного солдата, впоследствии оказавшегося сыщиком, и занялись им. Последний и дал о библиотеке сведения Утину. Наконец-то г. Утин разыскал давно

два клуба, четыре ремесленные школы, книжный магазин и две часовни.

По переписи с 1 апреля 1901 г. во всех заведениях Круппа было занято 46.077 чел., в том числе 3.823 служащих (остальные — рабочие). Из этого числа 25.925 приходится на фабрику в Эссене, 2.968 на завод панцирных броней, 4.731 на завод «Германия» в Берлине и Киле, 6.291 на угольные копи, 6.162 на прочие заведения. Сверх того, 150 чел. заняты постоянно в «усадьбе» г. Круппа.

Перед нами, таким образом, громадный производственный организм, обнимающий самые разнообразные отрасли производства, самые разнообразные виды человеческого труда — от портного и сапожника до матроса и углекопа. И все эти разнородные отрасли производства соединены в одном предприятии, которого неограниченным, самодержавным владыкой является один человек — Крупп. 50.000 чел., население целого города, работает изо дня в день на этого одного человека, работает с помощью самых усовершенствованных орудий, по «последнему слову науки», создавая колоссальные богатства, создавая во много раз больше, чем могло создавать такое же количество людей, работавших в доброе старое время на какого-нибудь могущественного помещика-феодала.

Но что самое интересное, этот владыка труда 50.000 чел., этот господин колоссального предприятия,

является совершенно неважным винтиком в этом громадном механизме. Крупп совершенно не заботится о технической стороне своего предприятия, не вмешивается в его администрацию. Вся его «работа» состоит в том, чтобы подсчитывать свой ежегодный барыш, доходящий до 15 и более миллионов марок (8 и более миллионов рублей). И если бы даже его сиятельство Крупп был гениальным и деятельным человеком (чего о нем нельзя сказать), он бы не мог самолично управлять своим предприятием. Оно уже давно переросло контроль одного человека. Фабрика Круппа в Эссене разделена на несколько самостоятельных отделов, которые объединяются центральным управлением, состоящим из нескольких директоров. Эти директора, не г. Крупп, управляют заводом.

И вот, представьте себе, что этот ненужный для дела Крупп будет устранен от предприятия. Оно пойдет тем же ходом, как шло раньше. Никакой перемены в технической стороне дела не произойдет. Только те миллионы, которые Крупп кладет в карман в виде «честно заработанного» дохода, останутся в руках производителей этого богатства. Существование собственника — капиталиста, таким образом, излишне для хода производства. Заведующие производством люди со специальными техническими знаниями могут с таким же успехом служить

желанную крамолу!.. Юнцов начали таскать на допросы, а троих даже засадили в острог. В мин. вн. дел было послано Утиным подробное донесение с ясными доказательствами, что крамола поймана и уничтожена, что г. Утин принес колеблющемуся престолу не малую услугу, за что-де следует...

14 чел. гимназистов VIII, VII, VI, V и даже IV класса ожидали казни.

Наконец, из Питера пришла бумага, вручающая судьбу гимназистов их гимназическому начальству. Министерство, конечно, поступило весьма умно, с одной стороны, оно умывало руки в избииении младенцев, а с другой — более исполнительных палачей оно найти не могло. Страшно перепуганное гимназическое начальство решило доказать, что оно благонадежно, что всей душой готово исполнять волю начальства. Директор собрал совет и предложил всех 14 чел. исключить без права поступления в другое учебное заведение. Часть педагогов, во главе с законоучителем, попыталась было возражать и доказывать всю несправедливость, жестокость и нетактичность такой меры, но директор с помощью других более покорных педагогов настоял на своем. Укажем, между прочим, фамилии этих особенно усердных педагогов: директор Самойлович, педагоги Песков и Юшков. Бедных юнцов ожидала печальная судьба. Но округ смягчил наказание. Только троих решено было исключить, остальным же сделать предупреждение на будущее; одного же, кончившего теперь гимназию, не приняли ни в один университет. Как видите, вся история кончилась еще не так плохо, могло бы, конечно, быть и хуже.

Нижегородское общество сильно взволновано всей этой историей; обыватели начинают понимать свое беспомощное, бесправное положение. Спасибо за это господам Утиным, Самойловым, Юшковым, Песковым и проч.

Кишинев. Остроумный документ представляет постановление кишиневского жандарма о привлечении к дознанию лиц, арестованных за участие в демонстрации 11 сентября. Приводим его полностью:

«Постановление № 3. 1901 г. сентября 19 дня в г. Кишиневе я, отдельного корпуса жандармов штабс-ротмистр Барбашев, принимая во внимание, что 1) 5 сентября в г. Кишиневе издана была от имени „Группы объединен-

ного протеста“ и распространена гектографированная прокламация, в которой порицается существующий в России государственный порядок и говорится о необходимости рабочих волнений, крестьянских бунтов и студенческих движений, как о желательной форме протеста против правительственного режима. Молодая Россия,—говорится в прокламации,—таким путем 4 марта вырвала у правительства победу, но последнее только надавало обещаний, а ничего не исполнило и снова проявило себя изданием таких циркуляров, как, напр., „Об уменьшении процентной нормы поступления евреев в высшие учебные заведения“ и о „прикреплении студентов к округам“, в виду этого „Гр. объединенного протеста“ обращается ко всем с призывом: „Объединитесь все и заявите правительству, что гражданское чувство, пробужденное выстрелами последнего года, не спит, — что оно не исполнилось (?) его лживыми обещаниями, что оно требует удовлетворения“ и, пользуясь каждым случаем, „требуйте политической свободы“. Наконец, особой припиской к прокламации „Группа объединенного протеста“ анонсирует о том, что „11 сентября в 6 час. 34 мин. вечера из г. К. отправляют товарища Домбровского в административную ссылку“ и приглашает воспользоваться этим случаем для демонстративного протеста на вокзале против этого распоряжения властей, тем более, что „без боя“ с правительством, как заключает „Группа объединенного протеста“ свою прокламацию, „мы не отвоюем у него ни одной пяди“.

«2) 10 сентября та же „Группа объединенного протеста“ издала вторую прокламацию, в которой говорит о необходимости свободы слова и протеста против таких органов печати, как „Новое Время“, „Южный Край“, „Московские Вед.“, „Бессарабец“ и редактора этой газеты Крушевана, который, как сказано в прокламации, „душит“ своих типографских рабочих „вычетами“. Народ просит хлеба, а правительство дает ему „камень“, а „Бессарабец“, „когда Толстой говорит о хлебе для народа“, порицает Толстого „за разрушение иллюзий и обмана“ и „всему, что ищет свободу, он кричит свое грязное: в клетку!“: этим прокламация, очевидно, указывает на статьи в „Бессарабце“ о Толстом и об убийстве Мак-Кинлея: последняя озаглавлена была „В клетку“ и заключала в себе энергическое осуждение анархизма. Прокламация эта, подобно первой, имеет в виду защиту евреев; это видно как из того, что после заявления о преследовании иноверцев перечисляются вышеприведенные газеты, известные своими разоблаче-

организованному обществу. В самом деле, если устранить совершенно ненужного собственника, разве этот громадный производительный механизм не будет представлять собой, в миниатюре, организованное социалистическое общество?

Но зло теперешних гигантских промышленных предприятий, вроде Крупновского, далеко не исчерпывается тем, что производители должны львиную долю продукта своего труда отдавать капиталисту. Крупн не только присваивает ежегодно десятки миллионов, он в то же время является по отношению к служащим почти повелителем; его подданные зависят от него, как люди и как граждане, почти в такой степени, как крепостные зависели от своего феодала. Прежде всего эта зависимость выражена в правилах внутреннего распорядка. «Кто участвует в агитациях или союзах, стремящихся к низвержению существующего порядка, получает расчет». А между тем, германская конституция предоставляет всем гражданам свободу собрания и союзов. Когда в 1893 г. в Эссене был основан отдел германского союза рабочих по металлу, который вскоре стал насчитывать довольно много членов, правление произвело однажды обыск в мастерских, у многих рабочих была найдена газета «Союза», и «бунтовщики» были рассчитаны массами. Этот порядок остается в силе до сих пор, и всякий, запо-

дозренный в революционных стремлениях, выбрасывается за порог завода.

Какими же средствами достигает фирма Крупн возможности в свободной стране лишать признанных конституцией прав целые сотни тысяч людей? Это самая интересная сторона дела. Крупн прославился не только как производитель знаменитых пушек, не только как архимиллионер и как ненавистник рабочего движения, но и как великий благотворитель. Благотворительные учреждения фирмы Крупн знамениты во всем мире. Это — верх того, что царями капитала сделано для своих наемных рабов. Но эти-то благотворительные учреждения и служат к тому, чтобы «свободных» рабочих превратить в безвольных рабов. Благодаря им, интеллигентные рабочие крупной промышленности попадают в более тяжелую зависимость от хозяина, чем иной неразвитой сельский батрак — от своего помещика. Посмотрим же, как на практике буржуазная «благотворительность» служит целям закрепощения рабочего.

Как уже сказано, 4.853 рабочих семейства пользуются квартирами. Рабочий, уволенный с завода, должен немедленно очистить квартиру. А так как квартиры в фабричном городке дороги, а в крупновских домах плата ниже обычной, то рабочий соглашается молча терпеть всякий гнет, лишь бы не потерять разом работу и кров.

ниями относительно евреев, так и из того, что на редактора Крушевана возводится обвинение в приятии им подкупа от какого-то „магната“, почему он и „облил грязью“ одно из уездных земств, тогда как в действительности в „Бессарабце“ были напечатаны обличительные статьи только против Оргеевской земской управы и евреев, поставщиков голодающему населению испортившейся, гнилой и вообще недоброкачественной кукурузы, за что некоторые из поставщиков-евреев уже приговорены судом к наказанию.

«3) Таким образом, уже из содержания этих двух прокламаций можно было видеть, что в г. Кишиневе готовятся политические демонстрации: на вокзале при отъезде бывшего студента Домбровского, против существующего в государстве порядка, и в городе против редактора газеты „Бессарабца“ Крушевана за разоблачение еврейских злоупотреблений, за критику учения Толстого и за строгое осуждение анархизма.

«4) 11 сентября около 7 часов вечера, ко времени отхода поезда, на кишиневском вокзале собралась толпа молодых людей, мужчин и женщин, около 100—120 чел., в подавляющем большинстве — евреи, сгруппировавшихся у того вагона, в котором находился отъезжающий Домбровский, при чем в числе руководителей толпы были замечены следующие лица: Антонина Глоба, Полина Фукельман, Хава Ханжи, Раиса Бар, Песя Шрифтелик, Глафира Кубаркина, Израиль Гельман, Фортунат Каминский, Василий Ендржицкий, Владимир Пржецлавский, Арон и Самуил Мичник, Моисей Вассер и др. в числе около 20 чел. Первым из толпы выделился Вассер и сказал Домбровскому несколько слов, после чего одна из женщин поднесла Домбровскому букет, потом еще кто-то из толпы произнес несколько слов, и толпа закричала „ура!“. Затем к вагону подошел Гельман и громко воскликнул: „Прощай, товарищ, обидела тебя Держава (?), не беспокойся, единство у нас есть, да здравствует свобода, ура!“. В это время кто-то, когда поезд стал уже отходить, произнес фразу, окончив ее словами: „Помни единство (?), да здравствует свобода и единство“. Кто-то из толпы начал было петь, почему багажный Рачко, по распоряжению полиции, хотел было задержать его, но в тот же момент получил от одного из толпы удар палкой по голове, а затем Антонина Глоба и Полина Фукельман беспорядочно затащили песню, подхваченную другими. Когда Гельман был задержан, то Каминский, обозревая толпу, стал махать руками, как бы давая знак, и толпа, вслед за

ним, кричала: „Да здравствует свобода! Ура!“. Жандармам и багажным, ранее заметившим тех лиц, которые руководили толпой, удалось, хотя с большим трудом, под ударами палок, зонтиков и кулаков, задержать восемь человек и для установления личности увести в комнату для дежурных жандармов; тогда некоторые из участников демонстрации стали возбуждать толпу ложными (?) сообщениями о том, будто жандармы и багажные бьют арестованных и будто избили некоторых из публики так сильно, что одну женщину свезли в больницу, при чем агитаторы кричали, чтобы присутствовавшие записывались в свидетели. Смешавшись, таким образом, с некоторыми из публики, введенными в заблуждение относительно случившегося, они ворвались в дежурную для жандармов комнату, потребовали записать их в свидетели, что и было исполнено.

«5) Выполняя намеренную в приведенных выше прокламациях программу демонстрации, толпа с криком: „Идем к губернатору! Ура!“ направилась с вокзала в город, распевая революционные песни, крича „Ура!“, остановилась возле типографии „Бессарабца“. Здесь кто-то из толпы произнес речь, и затем стали раздаваться крики: „Долой Крушевана! Смерть Крушеванду, ура!“. Не встретив сочувствия у наборщиков, толпа, оглашая воздух криками, двинулась к губернаторскому дому, у ворот коего, встретив отпор со стороны полиции, распалась на несколько групп, при чем более значительная по численности направилась в городской сад, где несколькими городскими нанесла побои, и затем с криками: „Да здравствует свобода печати, долой произвол, ура!“ направилась к ред. газеты „Бессарабца“ и квартире редактора ее Крушевана, где выбила палками стекла, а затем, увидев приближавшихся наборщиков типографии, в беспорядке разбежалась.

«6) 14 сентября с. г. та же „Группа объединенного протеста“ издала третью прокламацию, которая начинается фразой: „Тяжело живется русскому человеку, а если он к тому еще рабочий, то ему приходится гнуть спину по 16—18 часов в сутки, если еврей, то его презирают, на него натавливают голодных людей, а он — он должен прятать свое лицо, чтобы на нем не видели ненависти к притеснителям“. Описывая в тенденциозном и извращенном виде проводы Домбровского, утверждая, будто жандармы и багажные набросились на публику с обнаженными шашками и палками и избили так сильно, что одного раненого от везли даже в больницу, тогда как в действительности участники беспорядков сами избили жандармов, причинив двум

Потребительные лавки, устроенные Круппом, продают только за наличные деньги и по обычным ценам. Но ежегодно покупателям возвращается 6—7% дивиденда, выдача дивиденда производится в декабре; если рабочий рассчитан в течение года, он теряет право на его получение. Новая причина молча сносить прижимки мастеров.

Но всего лучше «благотворительные кассы», которые всячески расхваливались разными проповедниками «мира между классами», как высшее проявление «попечения» о рабочих. Платя в эти кассы, рабочие не принимают никакого участия в управлении. Пособия выдаются по усмотрению дирекции; протекция играет здесь главную роль.

Но на заводе имеются, между прочим, и больничные кассы, учрежденные на основании закона, требующего, чтобы рабочие принимали участие в их управлении. Но удивительное дело: стоит только выбранному в правление рабочему заявить какие-нибудь претензии на ведение дела, как он тотчас же оказывается «ненужным» на заводе и получает расчет, теряя тем самым право быть членом кассы. Естественно, что представители рабочих хорошо помнят об этой опасности и ведут себя, как шелковые.

Венец «благотворительности» Круппа это — пенсионная касса. При вступлении в нее (а вступление обяза-

тельно) рабочий платит 6 марок (3 рубля) и ежегодно вносит в среднем около 35 марок (17 руб.). Если он, проработав не менее 20 лет (а при особо тяжелых работах не менее 15 лет) подряд, окажется совершенно негодным к труду, и если это засвидетельствуют два врача, тогда он получает пенсию. Но при вычислении этого срока не принимаются в расчет ни годы работы до 18-летнего возраста (хотя с него все-таки и в эти годы вычитывают в кассу), ни время болезни, если она длилась более 13 недель, ни то время, в течение которого рабочий, будучи полуинвалидом, получал пособие.

Зато, если рабочий, плативший в пенсионную кассу хотя бы 19½ лет, будет рассчитан как «ненужный», он лишается всех прав на помощь и не получает обратно ни копейки из того, что внес (а иногда этих взносов накапливается до 1000 марок). А между тем, число увольняемых Круппом рабочих не мало! В последние два года ежегодно увольнялось 7—8 тыс. чел. И так как из увольняемых очень не мало таких, которые проработали по 10 лет, то нельзя не признать, что пенсионная касса не безвыгодное дело для фирмы Крупп.

За 1900 год в заведение кассы поступило 2.250.000 марок, а израсходовано 1.108.000. Половина взносов рабочих остается в руках завода, а сами вкладчики тысячами выбывают, теряя все свои права!

даже раны на голове, прокламация устанавливает, что участники беспорядков принадлежат к „Группе объединенного протеста“, шли по городу для протеста и для того, чтобы у горожан „вызвать дух протеста“, а к губернатору они направились „не жаловаться, не правды искать у него—у полиции“. Заканчивается прокламация утверждением „Группы объединенного протеста“, что демонстранты разошлись по домам с тем, чтобы начать „подпольную борьбу с жгучей, непримиримой ненавистью ко всему режиму и со стремлением к свободе“.

«7) При обыске квартиры В. Пржецлавского и Ф. Каминского найдены были: черновик проекта устава организации противозаконного сообщества для политической пропаганды среди рабочих и письмо некоего Авдея к Пржецлавскому, из коего видно, что Авдей принадлежит к какому-то противозаконному сообществу, к которому в прошлом принадлежал также и Пржецлавский, но его первый дебют в роли члена этого сообщества был так неудачен, что сообщество осудило его и готово было поступить с ним жестоко (?). Авдей берет Пр. под свое покровительство в надежде на исправление его в будущем; из дальнейшего содержания этого письма видно, что автор его, Авдей, состоит в близких отношениях с Каминским и находится с ним в переписке, — на основании постановления Бес. Губ. Жандармского Управления от 16—18 сентября за № 1 по соглашению с тов. прокурора Кишиневского Окружного Суда С. П. Шелухиным постановил: вышеперечисленных А. Глобу, Полину Фукельман, Х. Ханджи, Раису Бар, Песю Шрифтелику, Глафиру Кубаркину, Израила Гельман, Ф. Каминского, Василия Ендржиевского, Вл. Пржецлавского, Арона и Самуила Мичник и Моисея Вассера привлечь к настоящему дознанию в качестве обвиняемых, о чем им и объявить.

Барбашев. С. П. Шелухин.»

Москва. Московские товарищи сообщают нам следующие подробные сведения о Михаиле Афанасьеве — председателе «собрания механических рабочих», о котором мы писали в предыдущих номерах «Искры».

Михаил Афанасьев, по профессии модельщик, работал до 1898 г. на разных заводах и в мастерских города Москвы. В 1898 г. он просидел две недели в предваритель-

ном заключении; в то же время и по тому же делу сидели в тюрьме несколько интеллигентов и рабочих. Некоторые из них были высланы до разбора дела из Москвы, двое же оставшихся по рассмотрении дела отбыли двухмесячное заключение и на неопределенное время лишены права проживать в Москве и Петербурге. После разбора дела Афанасьев в тюрьме не сидел и не был выслан: «Я выбрал для житья себе Москву», говорил он одному рабочему, спрашивавшему его о снисхождении к нему правительства. Но чтобы ни говорил Афанасьев, с трудом верится, что недреманное око Москвы — Зубатов — оставил в Москве товарища людей, гонимых правительством, да при этом допустил его стать во главе рабочих союзов. Зимой 1900 г. Афанасьев жил на заводе Листа за Бутырской заставой; весной на заводе вышло недоразумение из-за расценки между модельщиками и администрацией завода. Был вызван фабричный инспектор для переговоров с которыми рабочими был выбран Афанасьев; после этого его расчислили с завода, и он с разрешения Охранного Отделения уехал искать работу в Киев. Вернувшись в Москву, он поступил на фабрику Прохорова и усиленно начал хлопотать о кассе взаимопомощи, чему содействовали во многом интеллигенты, относившиеся к нему как к порядочному человеку.

За образец устава взят был устав харьковского общества без всяких изменений. Под проектом устава подписалось 12 человек, в том числе и Афанасьев. 9 февраля устав был подан на разрешение «хозяина Москвы», а оттуда перешел к Трепову и Зубатову. В руках последних устав был в деталях подвергнут изменениям и в таком виде возвращен учредителям, которые за такую заботливость поблагодарили начальство и решили, что их устав гораздо содержательнее харьковского: большинство не понимало значения изменений, сделанных Зубатовым. Интеллигенты протестовали против урезок и старались оказать влияние на рабочих в этом направлении, за что они—по доносу Афанасьева — были арестованы.

На собраниях Афанасьев председательствует и имеет себе подобных помощников: секретаря Слепова, слесаря от Прохорова, и старшего контролера Красивского, папиросника, работающего на дому, агента Зубатова, допускаемого на собрания с разрешения Афанасьева.

Понятно, что рабочий, который несколько лет платил в кассу, не станет рисковать потерей всех своих надежд на пенсию. Всякий ожидает, что за свое терпение и покорность он будет награжден когда-нибудь пенсией. Но — много званных, мало избранных. Дослуживаются до своего «счастья» немногие, но за то все почти из кожи лезут, чтобы не потерять право на это «счастье». А для этого: проявляй безусловную покорность, сноси грубое обращение, терпи постоянные вычеты из заработка. Совсем недавно с завода уволен рабочий, проработавший у Круппа более 20 лет, за то, что на каассовом собрании внес предложение об изменении устава.

Прибавим, что для того, чтобы не проглядеть среди своих рабов самого малейшего недовольства, Крупп содержит целую армию шпионов из числа самих рабочих. Каждый должен быть вечно настороже, чтобы по доносу шпиона не получить расчета. Каждый таит про себя свое мнение, каждый сторонится от товарищей и годами такой иезуитской муштровки превращается в безвольную машину.

При таких условиях, когда производимая за счет самих рабочих «благотворительность» держит их в самой надежной кабале, Крупп может уже не бояться умственного развития своих рабочих. Читальня, устроенная для рабочих Круппом, превосходна, выбор книг громадный.

Обеспечив себя от опасности какого бы то ни было протеста, Крупп заботится об умственном развитии рабочих, зная хорошо, что интеллигентность рабочего повышает производительность его труда, т. е. доходность затраченного на его наем капитала.

Такова картина современного «фабричного феодализма» в свободной стране. Русский читатель невольно сопоставит эту картину со сходными явлениями фабричного быта на нашей родине: систему пенсий в железнодорожных мастерских, квартиры для рабочих на Брянском заводе, у Морозовых и у других тузов, те же потребительные хозяйские лавки и т. п. Разница лишь та, что бесправное по закону положение русского рабочего позволяет русским Круппам не прикрашивать свои «благотворения» даже той прозрачной дымкой, которой прикрывают их Круппы немецкие. Голое насилие и произвол выступают у нас откровеннее. Но бесправие русского народа рано или поздно прекратится. Политическая свобода будет завоевана, и тогда — тогда система «благотворений» в руках наших Морозовых послужит к тому, чтобы права, признанные за рабочим на бумаге, он не мог осуществить на деле.

Как бороться рабам современного фабричного феодализма против этого гнета, лишаящего их всякой возможности сопротивления? Профессиональная организа-

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Общество трезвости в Орехово-Зуеве. В статье «Ответ г. Дадонову» (см. приложение к № 9) был затронут вопрос об обществах трезвости и было высказано, что эти общества в последнее время играют очень странную роль. Здесь мы намерены обрисовать Ореховское «общество трезвости» и его деятельность. Считаем это тем более необходимым, что эта вновь изобретенная язва, наверное, не ограничится одним Ореховым. Харьковский преосвященный Амвросий выразил опасение, не к социализму ли ведут общества трезвости, и так как не был вполне в этом уверен, то прибавил: «Дай бог, чтобы мы ошиблись!» Поэтому мы советуем харьковскому архиплуту, то-бишь архиерею, прочесть нижеследующее и убедиться, что он ошибся и ошибся очень порядочно*.

В минувшем 1900 г. 6 августа возникло Ореховское «общество трезвости» по инициативе петербургского священника А. Рождественского (сына) и при содействии местного священника В. Рождественского (отца), церковного старосты инженер-технолога С. Назарова (заведующий отбельно-красильным заведением Саввы Морозова) и служащего той же фабрики технолога Хренникова. Из этих почтенных лиц С. Назаров особенно известен тем, что запер на две недели обитателей Ореховской фабричной богадельни и заставил их все это время молиться за умершего отпрыска его рода.

Нужно сказать, что приезжавший из Петербурга о. Рождественский, хорошо знакомый со взглядами высшего духовного начальства, заранее определил направление деятельности этого общества, а, следовательно, взгляд на рабочих, как на людей, с которыми нечего церемониться...

* К сожалению, харьковский владыка не может последовать совету нашего товарища, так как он недавно умер. Спешим отметить, что в некрологе, посвященном памяти покойного, «Моск. Ведомости» подчеркнули его постоянную борьбу с социализмом и всякими вообще вредными движениями. Р е д.

ция рабочим Круппа недоступна: она убивается в зародыше удалением всякого «агитатора». Если другой капиталист позволит себе посягнуть на право рабочих организоваться, немецкие рабочие ответят ему стачкой и принудят уважать свое право. У Круппа, благодаря могуществу его капитала и разврату, который сеет его «благотворительность», такой протест невозможен. Что же делать?

Германские рабочие владеют одним правом, против которого, в конце концов, бессилён и Крупп. Это — всеобщее тайное избирательное право. Тайна голосования дает возможность даже рабочим Крупповских заводов работать над своим освобождением. Лишенный возможности открыто организоваться, рабочий может на выборах поддержать кандидата социал-демократической партии. Социал-демократическая рабочая партия, достигнув известной силы, сумеет заставить государственную власть вмешаться в «патриархальные» порядки Крупповского царства для ограждения законных прав рабочих. Государство, которое в настоящее время так заботливо охраняет интересы частной собственности, сможет — если захочет — обуздать всевластие современных фабричных феодалов. Оно сможет взять под свой контроль Крупповские «благотворительные» кассы и оградить их членов от самодержавия «хозяина», от его обирательства;

Основатели отнеслись к своему четырехголовому детищу очень серьезно и решили не на шутку уничтожить пьянство. И вот один стал действовать молебным с акафистами, другой — штрафами, третий — расчетами, а четвертый уехал в Питер и шлет оттуда писульки с советами. И, можно сказать, двинули свое дело настолько хорошо, что ни одно подобное общество в России не имеет, пожалуй, такого количества членов, как Ореховское.

Первоначально охотников записаться в трезвенники было очень мало; записывались только те, которые и до существования общества пили очень мало или совсем не употребляли спиртных напитков. Видя такое равнодушие к своему детищу, основатели принялись вербовать себе членов своеобразными средствами. Так, напр., Назаров предлагает рабочему, с которого следует взыскать за прогулы смены, записаться в члены общества, за что его вознаграждают, не записывая прогугла. Но горе рабочему, если он не согласится итти в трезвенники: его сгоняют со станка, ставят в простые рабочие или делают скидку с поденной платы в 5—10 коп. Или тот же Назаров предлагает рабочему, замеченному в ссоре с соседом по хозяйской квартире, либо выбираться из казармы, либо стать членом общества. Разумеется, на вербованные такими средствами члены оказываются «трезвенниками» пьющими. Тем не менее, поведение таких господ, как Назаров, носит еще джентльменский характер, а вот управляющий фабрики Микулы Морозова, Свешников, тот прямо кричит, как шедринский генерал: «Разорю». «Ступай, запишись в трезвенники или сейчас получи расчет».

При таких условиях понятно, насколько симпатично рабочим «общество трезвости», как они выполняют обет трезвости и как быстро растет текущий номер, выражающий число записавшихся. В настоящее время этот номер доходит до 3.000; если дело пойдет так хорошо, то года через два на морозовских фабриках не будет ни одного пьющего рабочего. Но что в этом случае будет делать ценовальник Витте?

Несмотря на столь внушительное число членов общества, налицо нет никаких внешних проявлений его деятельности: ни чайной лавки, ни читальни, ни библиотеки, ни сада, ни гуляний, словом, ничего из того жалкого запаса, которым дышат вообще такие общества. Управляется общество без всяких выборов теми же учредителями да еще Свешниковым, которые придумывают для членов общества разные обязанности. Первая обязанность — не пить водки,

оно может оградить права рабочих, как с'емщиков хозяйских квартир; оно может воспретить произвольное увольнение рабочего за то, что он пользуется законным правом принадлежать к какому-либо союзу или партии.

Но все это государство захочет сделать только тогда, когда его к этому принудит рабочий класс, социал-демократическая рабочая партия. Пользуясь правом голоса на выборах, крупповские рабочие могут содействовать усилению этой партии.

Где экономическая борьба обречена на неудачу, там приходится прибегать к борьбе политической. Завоевывая себе влияние на государство, рабочий класс может освободиться от крепостного гнета рабов г. Круппа. Завоевав окончательно это государство, он сможет устранить Круппа от того колоссального промышленного механизма, в котором он является пятой спицей в колеснице, и тем самым сделать работу этого механизма источником благосостояния и свободного развития для его теперешних жертов.

что на деле, конечно, выполняется немногими; вторая — посещать обедню и вечерню, после которых бывает постоянно молебен с акафистом Николаю угоднику и неизбежный сбор с большой тарелкой с бедняков-рабочих в пользу дородных и богатых попов. Третья обязанность — ходить на чтения, на которых рабочих угощают все той же Демьяновой ухой, т. е. говорят о любви к ближнему и о вреде пьянства. Практический урок любви к ближнему дают ежедневно своим рабочим гг. Назаровы и Свешники, упражняясь в штрафовании, расчитывании и грубой ругани.

6 августа этого года «общество трезвости» праздновало годовщину своего существования. Кроме обычной обедни и вечерни было устроено собрание общества в училище Саввы Морозова под председательством вышеупомянутых заправил. На обсуждение был поставлен вопрос: «Куда употребить имеющийся наличный капитал общества?». Некоторые рабочие предложили уделить часть капитала для выдачи заболевшим трезвенникам, другие — для выдачи сиротам умерших трезвенников. То и другое предложение было отклонено, а по предложению Назарова решили «благодарить священника В. Рождественского, как основателя этого общества. Отблагодарили поднесением креста в 500 руб. Тогда домовладельцы-трактирщики Бобров и Татаринов предложили благодарить Назарова иконой (в 65 руб.). Принято и это. На покупку креста и иконы израсходовали весь капитал, да еще остались должны 100 руб. Впрочем, может быть, должны и больше: никакой отчетности не производится. Таким образом, сироты и больные остались ограбленными в пользу основателей «общества трезвости».

В прошлом году перед рождеством нашлись чудачки, которые просили у священника Рождественского разрешения выпить по рюмке «для праздника». Он им разрешил. Большинство же «трезвенников» пили с своего собственного разрешения во славу божью. Разумеется, есть много проказников, которые пользуются «обществами трезвости» для своих целей: так, понадобятся деньги просто, чтобы гульнуть, но достать их трудно; запишешься в трезвенники, получаешь от Назарова разрешение на выдачу денег.

Ореховские не-трезвенники.

Саратов. 14 августа на гвоздильном заводе Б. Гантке вывесили новые правила внутреннего распорядка и новую табель штрафов. Первые отменяли десять праздников, а последняя устанавливала штрафы за всякую мелочь. Рабочие решили дать отпор. Неудача вспыхнувшей в то время стачки на железной дороге поколебала решимость рабочих. Только 29 августа они бросили работу. В ночь с 22-го на 23-е были распространены прокламации, требовавшие отмены штрафов, восстановления старых праздников, увеличения расценок на 25%, увольнения директора Тиле, выборных депутатов от каждого цеха и пр. Сверх того, требовали, чтобы никто не был уволен за стачку.

Как только полиция узнала о прокламациях, на завод прибыл исправник, но увещания его оказались напрасны. Администрация обещала удовлетворить требования рабочих.

Из Литвы. В Сморгони (Виленской губ.) в начале октября вспыхнула стачка 1.000 кожевников (поляков и евреев). Ближайшим поводом послужил набег в Сморгонь виленских и минских жандармов, которые по доносу фабрикантов произвели аресты среди местных рабочих и интеллигентов. Когда арестованных ночью повели на вокзал, собралась толпа любопытных. Сопровождавшие арестованных казаки ударили в нагайки, вообразив, что толпа собирается отбивать пленников. После этого рабочие забастовали, требуя освобождения арестованных и введения 12-час. раб. дня. 30 октября из Вильны отправлена в Сморгонь вторая сотня казаков. Польской социал-демократией выпущена прокламация к стачечникам.

Одесса. В «Вед. Одесского Градоначальства» был напечатан приказ одесского градоначальника об арестовании (на основании положения об охране) несколько рабочих-заготовщиков за то, что они силой не давали рабочим идти на работу. На деле никто из арестованных не работал в той мастерской, в которой была стачка, но заведующий мастерской Турьянский, подкупив предварительно полицию, оговорил первых попавшихся и дал ложное показание, будто они работали в его мастерской и избили Менделя Вейцмана и Бронштейна. Конечно, пострадавшие от побоев могли обратиться в суд, но, ведь, обвиняемые могли бы оправдаться тем, что Вейцман (здоровенный парень) первый затеял драку, да, кроме того, поди, устанавливай на суде, кто был в толпе. Куда проще обратиться «к усиленной охране!» Тяжело за невинно страдающих от полицейского произвола, но гг. Турьянские и Вейцманы и с ними и полиция роют себе сами яму. При таком способе действий трудно удержать массу от насильственных поступков, от саможашты и мести. Пока удастся внушить массе спокойствие, она, пожалуй, станет расправляться с провокаторами по-свойски. Мендель Вейцман — типичный штрейкбрехер (так в Германии называют тех, кто изменяет стачке), уже давно ненавидимый рабочими и бесконечно дорогой для хозяев. Не довольствуясь тем, что мешает стачке заготовщиков, он недавно избил без всякого повода двух стачечников, что и вызвало его собственное избиеие толпой. Из арестованных по доносу этого негодяя трое семейных, семьи их обречены на голодание.

В последнее время здесь стали практиковаться рабочие демонстрации при похоронах товарищей, умерших от непосильной работы. В августе и сентябре было три случая таких демонстраций, которые оказывают хорошее влияние на раб. массу.

Кишинев. В апреле н. г. арестован был здесь рецидивист Яневич за пропаганду среди рабочих. Держат его еще до сих пор. Потом жандармы успокоились на все лето. В конце августа месяца произошел ряд стачек. Первыми забастовали переплетчики в 8 мастерских, в количестве 26 чел. взрослых рабочих и 14 мальчиков. Они выставили требование о сокращении рабочего дня до установленной законом нормы (раньше они работали по 16—18 час в сутки) и о повышении заработной платы. Описывать все перипетии этой стачки, продолжавшейся семь недель, не стоит: слишком известны уже все приемы, к которым прибегают в таких случаях хозяева и их верные защитники-жандармы и полиция. Были тут и доносы, было и застрашивание рабочих, были и аресты нескольких рабочих (их, впрочем, через две недели выпустили), но... рабочие стойко держались и требовали своего. Тогда один из крупных хозяев, Идельман, у которого, кстати сказать, хуже всего живет рабочим, привез из маленьких окрестных местечек рабочих. «Лучше, — говорил Идельман, — перепаху другим, чем уступлю этой дрянью». Вновь привезенных рабочих к стачке склонить не удалось. Тогда рабочие частью сдались, а частью раз'ехали. Не ожидая окончания стачки переплетчиков, забастовали и шорники, условия работы которых были ужасны: они работали с 5 ч. утра до 12 час. ночи, а иногда и целые ночи напролет, получая за это жалкую плату от 12 до 15 руб. в месяц. Вслед за шорниками забастовали и токари (26 человек, стачка продолжалась 4 недели). Как те, так и другие добились удовлетворения требований (те же, что и у переплетчиков).

Интересна попытка хозяев-токарей составить товарищество для совместной работы с целью обойтись без рабочих. Попытка эта, как и следовало ожидать, не увенчалась успехом, и хозяева, перессорившись, уступили своим рабочим. Хозяева же шорники, уступив рабочим, попытались было ввести поштучную плату и, таким образом, удлинив рабочий день, свести стачку на нет, но рабочие вновь забастовали, и через два дня хозяева окончательно сдались. Такова история здешних стачек. Весной этого года была здесь еще крупная стачка булочников. Забастовали они в количестве 200 человек во всех имеющих

здесь мастерских. Требования их сводились все к тому же: сокращение рабочего дня до 12 часов, повышение заработной платы, лучшие помещения. Стачка длилась всего три дня и окончилась частичной победой булочников. В течение этих трех дней некоторых рабочих заманивали под видом обещания работы в полицию и арестовывали их, а полицейстер, который во время стачки обещал рабочим позаботиться о них, после стачки переменял фронт и ругал рабочих площадной бранью.

Стачка в Якутской области. Забастовало на Ленской системе 1.700 человек, стачка длилась со 2-го по 9 января; на Бодойбине 800 чел. с 9-го по 16 января. Ленские требования: 1) выдача ежемесячно $\frac{2}{3}$ выписки деньгами и $\frac{1}{3}$ припасами (выиграно: раньше выдавали 5 руб., после стачки — не меньше 8 руб.); 2) разрешение свободной торговли хлебом, мясом, рыбой, овощами (выиграно частью: рыбой, овощами, молоком — добились, хлебом не разрешили, а мясом, смотря по запасам мяса); 3) смена заведующего полицейской частью казачьего урядника Селиванова и замены некоторых служащих другими (выиграно: Селиванова перевели, избрана комиссия из трех рабочих посредников: эти выборные-рабочие получают жалованье во время работы); 4) устранение неправильностей в подсчете заработка (обещано быстро проверить претензию); 5) никого из рабочих не рассчитывать (обещано).

Петиция Бодойбинской команды в управление Бодойбинской золотопромышленной компании: «Команда Бодойбинской компании уполномочивает из своей среды депутатов для доклада о нижеследующем: 1) Подсчеты за забойную работу в ортах весьма обидны, несмотря на подаваемую выработку в просечках от 10 до 12 верст, а в... до 16 верст. В общей сложности прием работы производится очень недобросовестно и слишком обидно, а также не принят в расчет грунт забоев, не прибавляется плата за скалистые и мокрые работы. Команда, кроме того, просит правление выдавать на отрядные работы книжки для выработки забойной работы, в каковых бы записывалась выработка забойной работы зрителями орт с приложением именного штампа: выработка такая же, как и в журнале. Если же правление не желает продолжать выработку отрядными работами, то команда просит подсчета окладным хозяйским жалованьем.

«2) Уволить совсем от должности помощника инженера Оправеднева за слишком пристрастную его службу, ибо все его распоряжения настолько чувствительны у всякого рабочего в горбу, что мы не в силах дальше выносить ни его присутствия, ни его распоряжений по работе, а потому просим заменить его место другим лицом. Еще просим сменить фельдшера Ивана У. и заменить его другим лицом. Причина — его страшно грубое обращение с больными рабочими. Грубость его настолько велика, что даже обращающихся к нему больных он обносит матерными словами. Просим сменить И. Коташевцева и Р. Александрова. Еще просит команда окончательно сменить старосту Вехнестанской артельной кухни за все его неправильные выдачи с'естных припасов команде. Команда желает совместно с правлением избрать из своей среды старосту.

«3) Команда просит правление удешевить по возможности цены на с'естные продукты и товары и притом при выписке на книжку выдавать часть деньгами и часть — провиантным продуктом.

«4) Команда просит правление без уважительных причин, без согласия на то каждого рабочего, безвременно не увольнять».

Весьма отрядным фактом представляется это спокойное и достойное отстаивание своих интересов со стороны самых отверженных слоев русского пролетариата. Напомним, что это уже второй случай организованной стачки рабочих на золотых приисках Восточной Сибири (первый был в 1900 г.)³.

ИЗ ПАРТИИ

Местная социал-демократическая агитация продолжает развиваться во всех концах России, захватывая новые и новые слои рабочего класса. Возникают новые с.-д. группы, проявляющие деятельность в листках, обращенных к рабочим массам. Так, во время майской агитации появилась впервые прокламация к рабочим в Перми (кстати сказать, определенно политического направления). Впервые в этом году появились местные социал-демократические прокламации в Воронеже, Курске, Пензе, Полтаве, Кишиневе, в Сибири. В Нижнем-Новгороде местная группа приняла название Комитета Партии и издала недавно новое воззвание к ремесленникам. Летом издана прокламация от имени Костромской с.-д. группы, обращенная ко всем пострадавшим рабочим. В Риге возникла «русская с.-д. группа», впервые начавшая широкую агитацию среди многочисленных здесь русских рабочих. В прокламации, изданной этой группой, русские рабочие призываются к политической борьбе и к соединению с рабочими других национальностей, обитающих в России. Саратовская группа выпустила №№ 6 и 7 своей «Рабочей Газеты». В Кременчуге образовался «Комитет Партии», издавший воззвание ко всем местным рабочим. Из старых особенно правильную агитационную деятельность ведет Киевский Комитет. Как можно судить по двум десяткам листов, имеющимся у нас и вышедшим за пять месяцев (июнь—октябрь), агитация эта распространилась на самые разнообразные профессии. Здесь и булочники, и обойщики, и рабочие спиртоочистительных заводов, и кровельщики, и мебельщики, и машиностроительные рабочие, и портные, и служащие в гостинице «Гранд-Отель», к которым Комитет выпустил прокламацию 18 октября.

Столько же энергична агитационная деятельность Тифлисского Комитета, которому приходится вести трудное дело агитации среди разноплеменного рабочего населения. Из присланного нам Комитетом сообщения заимствуем следующие данные о размерах этой агитационной деятельности. С января по октябрь Комитетом издано 16 прокламаций в 19.800 экз., из них 7 на русском, 8 на грузинском и 1 на армянском языках. Одна из последних прокламаций Комитета обращена к солдатам и издана по поводу маневров. Все издания — печатные.

Другая прокламация, по поводу милитаризма, распространена недавно центральным комитетом «Бунда» (на еврейском языке) к евреям-новобранцам. В Лодзи вышел № 1 еврейской газеты «Колокол Свободы» (орган местного комитета «Бунда»).

Петербургский Комитет продолжает издание листов на политические темы (о фабричных законах, о свободе печати и проч.). В Одесском Комитете Партии произошел раскол: выделилась из него «Южная революционная группа социал-демократов», которая особым воззванием сообщает о мотивах своего решения работать отдельно от Комитета. Насколько можно судить из этого воззвания, которое мы надеемся поместить в следующем номере, главной причиной раскола является различное отношение к вопросу о политической борьбе: Одесский Комитет, исходя из представления, что «русский царизм, как и всякое правительство, есть не более как равнодействующая сил, существующих в обществе», считает наш царизм простым политическим выражением интересов имущих классов. Напротив, новая группа (и мы с ней в этом вполне согласны) полагает, что царизм является врагом рабочего класса не только как защитник интересов буржуазии, но и как режим, опирающийся на господство бюрократии над всеми вообще гражданами, поэтому приписываемый новой группой Одесскому Комитету тот взгляд, что «возможно добиться при абсолютизме расширения политических прав рабочих», возвращающий нас к самому крайнему «экономизму», делает безусловно невозможной совместную работу для тех, кто считает низвержение абсолютизма первым условием нормального развития рабочего класса и сколько-нибудь существенного улучшения положения пролетариата. Было бы желательно, чтобы Одесский Комитет, с своей стороны, систематически изло-

жил свои принципиальные взгляды. Открытая полемика по программным вопросам — лучшее средство достижения прочного объединения, которое должно покоиться на общности программы и тактики.

В центральном районе основан «Северно-Русский Рабочий Союз», в который, как мы слышали, вошел и Иваново-Вознесенский Комитет Партии. Волжские с.-д. группы также объединились в «Приволжский с.-д. союз»⁴.

В Сибири образовался «социал-демократический союз», объявляющий о своем возникновении особым воззванием, напечатанным в собственной типографии. Как указывается в воззвании, в последнее время в разных местах Сибири возникли организации, ставящие себе целью революционную пропаганду среди рабочих. Эта пропаганда ведется весьма успешно, но разрозненно; задачей сибирского союза является объединить усилия отдельных местных групп и расширить рамки их деятельности. В этих видах союз, между прочим, предполагает издавать периодический орган: «Сибирский Рабочий».

Образование сибирского союза показывает, что и среди деятелей еще молодого сибирского движения назрела потребность раздвинуть рамки агитационно-организаторской деятельности за пределы местной «кустарной» работы. Эта потребность, судя по получаемым нами сведениям, начинает теперь сознаваться в самых широких кругах партии. Можно только радоваться этому явлению, как показателю того, что песенка старого «экономизма», воспитавшегося на преувеличенном почитании «местной» деятельности, уже спета.

Приветствуя поэтому объединение сибирских социал-демократических групп, мы считаем, однако, нужным заметить, что полезный результат этого объединения мог бы быть значительно парализован стремлением объединившихся групп обособиться от общерусского движения в какую-то самодовлеющую силу. Делаем это замечание потому, что в воззвании союза говорится: «Когда в России окончательно сформируется с.-д. партия, союз войдет с ней в возможно тесное соприкосновение». Почему же не просто вступить в нее — как одна из составных частей? Общеклассовые интересы русского и сибирского пролетариата одинаковы; одинаковы и ближайшие политические задачи того и другого, — мы, по крайней мере, не знаем особых политических задач сибирского пролетариата, да и союз в своей майской прокламации их формулировал не иначе, как формулируя политические задачи русских рабочих. Чем же объяснить в таком случае желание союза сохранить свое отдельное существование на ряду с Российской партией?

С другой стороны, почему союз говорит об «окончательном формировании» российской партии, как о деле, в котором он сам как бы не намерен принимать участие? Общерусская рабочая партия сформируется только в результате параллельных усилий всех отдельных социал-демократических организаций, и в этой общерусской партии найдут себе место и сибирские группы. И только такая окончательно сформированная общерусская партия позволит нашему движению бесповоротно выйти из стадии младенчества и избавит его от риска променять пережитую уже узость местной обособленности и кустарничества на столь же нежелательную узость обособленности областной.

С развиваемой здесь точки зрения мы смотрим и на новые попытки основания новых «областных» органов. Как показатель недовольства прежним типом «местных», по большей части узко-экономических листков и газет, эти попытки знаменуют рост политического движения. Но они рискуют задержать дальнейшее развитие движения на сравнительно низком уровне, если, поглощая главные силы новых слагающихся организаций, ослабят их интерес к активному содействию правильной постановке общепартийной политической печати. Последняя может стать тем, чем она должна быть — важным средством общеполитической борьбы организованного пролетариата — только в том случае, если в ее издании и распространении примут участие соединенные силы всех районов.

«Группой саратовских рабочих» нам пришло обстоятельное письмо в ответ на заметку в № 7 о помещенном в местной «Рабочей Газете» заявлении саратовских рабочих. Объясняя, почему саратовские рабочие не хотели принять опубликованного впоследствии протеста против тактики Петербургского «Союза Борьбы», авторы заявления приводили мотивы, с которыми мы не могли согласиться и по поводу которых мы выразили свое удивление. В теперешнем своем письме саратовцы заявляют, что они продолжают считать, что поступили бы «малочислешки», если бы согласились заняться критикой действий Петербургского Комитета. В свою очередь, мы остаемся при своем мнении, что эта скромность неуместна и вредна. Единой рабочей партии у нас не сложится до тех пор, пока все группы и кружки не будут стремиться принимать активное участие в партийной жизни. А в это участие входит, между прочим, и обсуждение тактических приемов деятельности той или другой организации.

Далее, авторы письма очень обстоятельно сообщают историю злополучного «ответа Союзу Борьбы». Из этого рассказа ясно, что этот «ответ» был принят всего двумя пятыми участников собрания. Из этого, конечно, следует, что те, кто опубликовали «ответ», как «мнение саратовских рабочих», поступили неправильно. Но столь же неправильно поступили и сами саратовские рабочие, когда заявляли в «Рабочей Газете»: «Саратовские рабочие тут совершенно не при чем. Ни один из них не участвовал в ответе». Оказалось, что участвовало и подписалось под ответом меньшинство. Правда, авторы письма далее говорят, что это меньшинство состояло из не вполне сознательных людей, но так как, по их же словам, такой же упрек делает им противная сторона, то ясно, что мы не можем впадать в разбор этих пререканий.

Нам кажется, что из всего этого следует сделать один только вывод: товарищи, заинтересованные в ограждении газеты от шагов, которые им кажутся неправильными, должны были бы своевременно сноситься с редакцией и сообщать ей те (не для печати предназначенные) сведения, которые позволили бы нам судить о деле с большей осведомленностью. Пока этого нет, мы обязаны считаться с печатными документами и только с ними. Надеемся, что саратовцы признают справедливость наших слов и что полученное письмо послужит первым шагом к более тесному сближению между нами.

В заключение письма «группа» касается еще эпизода с рабочим Трусевым, о котором у нас (в № 7) было сообщено, что он выступил перед серыми рабочими в роли «попа-ушесветеля». Группа высказывает по этому поводу, что нелегальный орган должен сообщать только «безусловно достоверные факты, потому что этим фактам... приходится безусловно верить ввиду невозможности проверить их на месте». Но если на месте нельзя проверить факта, то как же это сделать нам? Мы думаем, что при условии нелегальной деятельности таких средств нет, и от нас можно лишь требовать, чтобы мы щекотливые известия принимали только от лиц, заслуживающих доверия. Так было и в этом случае: заметку о Трусеве прислало то самое лицо, которое нас связало с «Рабочей Газетой» и которому вполне доверяем как мы, так и последняя. Но если бы при таких условиях вышли ошибки, то заинтересованным в раскрытии истины остается прислать фактическое опровержение. Такого опровержения авторы письма не дают. Заявляя, что «осуждают помещение в № 7 „Искры“ письма о рабочем Трусеве», они прибавляют: «факт этот даже здесь, на месте, недостаточно проверен, и из имеющихся налицо данных можно заключить разве только о неопытности Трусева, но нельзя обвинять в чем-либо, противном общественной совести. А, между тем, „Искра“ не проверив факта, помещает, можно сказать, смертный приговор (!) рабочему, зарекомендовавшему себя с хорошей стороны». Так как саратовские товарищи не поясняют, какие из сообщенных в нашей заметке подробности фактически неверны или сомнительны, то их опровержение остается бездоказательным. Поэтому их «осуждения» мы не можем принять ни по отношению к себе, ни по отношению к нашему корреспонденту.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Существует в Петербурге литератор Петр Эммануилович Панкратьев, сотрудник «Права», «Сев. Курьера», «Петерб. Вед.», «Жизни» и других органов и бывший член В.-Э. Общ. Оказывается, что, сверх того, он еще является членом... департамента полиции. Об этом свидетельствует следующий перехваченный кое-кем подлинный документ:

«Его Высочородию, г. Начальнику отделения по охранению общественной безопасности и порядка.

Агента 1-ой степени Петра Эммануиловича Панкратьева

РАПОРТ:

«Сии честь имею довести до сведения Вашего Высочородия, что, согласно распоряжению Начальника Деп. Полиции, я прибыл 10 июня в Одессу.

П. Панкратьев».

Просят пропечатать провокатора рабочего Соркина в Спб. Он известен под именем Семенова, и его шпионской деятельности обязаны своим арестом многие, взятые в апреле. Нам известно, что Соркин сыграл роль провокатора еще в первом деле «Рабочего Знамени» летом 1898 г. (дело Арона Лурье, Ромма и других).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Южным отделом «Искры» получено:

За июль: от путешественника 100 р., от него же 170 р., от инженера 300 р., из Х-ва от молодежи 37 р. 50 к.; от читателей 13 р. 50 к. Всего 621 руб.

За август и сентябрь: от NN 16 р., от марксистки 100 р., от профессора 50 р., за З. и С. 15 р., от сочувствующей 5 р. 50 к., от читательницы 3 р., за чтение через В. 6 р. 75 к., от читателей из Х. 20 р., из Киева за литературу 10 р., от доктора 5 р., собрано 6 р. 50 к., от С. за «Искру» 5 р. Всего 242 р. 75 к.

Киевским представителем получено: из Спб. 50 р., кредитный бил. сер. АВ № 39315 и 10 р., от Киевского Комитета на изд. «Искры» 50 р. и за литературу 135 р.; собранные «гением Дегерра» 100 р., за чтение 5 р. Всего 350 руб.

Л. Л. получено: из А. 240 р., из Волжской столицы 90 р. Всего 330 руб.

Московским представителем получено: от «Провинциалки» 30 р.

Через Кольцова получено: 10 фр. от Гамма, 15 фр., собранных им же, 5 фр. 75 с. за литературу, 330 фр. переданы револ. организацией «Социал-Демократ». — Из С. получено 38 р., оттуда же 50 р., от скептика получено 37 р. 50 к., из Сибири 144 р., остаток от мартовских сборов; из Ф. 100 мар.; через редакцию «Зари»: из О. 25 р., от «Харьковца» 93 р.

Через Г. Плеханова 292 фр.

Через Б-скую группу поступило: от Злаго 11 р. 82 к., от студента Востока 20 р., из тайги 28 р., с вечеринки и с сбора гимназистки 21 р. 18 к. Всего 82 р. Кроме того, поступило на покупки библиотеки 30 р., 20 р. и 15 р. Итого 65 р. За литературу (прод. в Томске, кроме сбора) 9 руб. 50 коп.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Эта петиция финляндских граждан не была принята Николаем II. В последующее время репрессии и насильническая политика русского правительства по отношению к Финляндии приняли еще более острые формы: в 1901 г. отменена свобода собраний, в 1902 г. ген.-губернатору предоставлено право замещать финских чиновников русскими. В 1903 г. ген.-губернатор облечен чрезвычайными полномочиями по борьбе с финской «крамоллой» и т. д. Революция 1905 г. на время задержала этот процесс руссификации края.

Прим. 2. Телесные наказания для крестьян, а также в армии и флоте были отменены только в 1904 году (11 августа и 30 июня).

Прим. 3. Рассказанный здесь эпизод имеет некоторое историческое значение в связи с знаменитым ленским расстрелом 4 апреля 1912 г. «Ленское золотопромышленное товарищество» («Лензото») образовалось в 1882 г., после перехода части паев Ленского паевого т-ва в руки барона Гинзбурга и торгового дома Майер и К^о. С этого времени «Лензото» быстро растет, обращаясь в мощное монопольное капиталистическое предприятие, по добыче золота в Сибири стоящее вне конкуренции. Об условиях невероятной эксплуатации рабочих на Ленских приисках имеется обширная литература (см., напр., книгу А. М. Никитина: «Правда о ленских событиях», или В. Ф. Плетнева: «Лена» и др.).

Прим. 4. Указанное в этой заметке расхождение во взглядах одесских с.-д-ов на природу самодержавия более ярко выявилося на съезде представителей южных комитетов и организаций в январе 1902 г. (Об этом, напр., см. в предисловии к «Протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П.», изд. «Прибой», стр. 10 и след.). «Искра» и «Заря» не подхватывали этого вопроса в его теоретической постановке. Но точку зрения «Искры» на природу самодержавия в его последней стадии вырождения можно усмотреть из некоторых мест статьи Ленина: «Политическая агитация и классовая точка зрения» (в № 16 «Искры»), а также из статьи того же автора: «Гонители земства и Аннибалы либерализма».

«Северно-Русский Рабочий Союз», о котором говорится в заметке, образовался по инициативе социал-демократов, связанных по партийной работе с Иваново-Вознесенском и Ярославем и встретившихся в Воронеже в 1900 г. (В. Носков, О. Варенцова, студент Доливо-Добровольский, рабочий Мих. Багаев). В союз, оформленный на совещании представителей заинтересованных организаций в августе 1901 г., вошли: Ярославский, Костромской, Иваново-Вознесенский с.-д. комитеты и Владимирская группа. Союз был разгромлен в апреле 1902 г., благодаря провокаторской деятельности охранника Меньщикова.